

Гаркуша Виктория Михайловна

аспирант, преподаватель

Спирина Анна Валерьевна

бакалавр, студентка

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный

университет им. И.Т. Трубилина»

г. Краснодар, Краснодарский край

МОРСКОЙ СУВЕРЕНИТЕТ, КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ — К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВОМ

***Аннотация:** климатические изменения, вызывая смещение береговой линии, ставят под сомнение классические принципы делимитации морских пространств, закреплённые в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В статье анализируются возникающие системные пробелы и правовые риски, включая угрозу территориальному суверенитету. Авторы выдвигают тезис о необходимости перехода от пассивной фиксации границ к их активному управлению через непрерывное правоприменение. В качестве ключевого механизма рассматривается экологический контроль над морской деятельностью. На примере политики Российской Федерации в Арктике показано, как жёсткое регулирование судоходства по Северному морскому пути, реализуемое в рамках «замкнутого правового цикла», трансформирует охрану окружающей среды в действенный инструмент ежедневного утверждения государственной юрисдикции. Делается вывод о формировании новой управленческой парадигмы, в которой экологическое регулирование становится основой для устойчивого осуществления морского суверенитета в XXI веке.*

***Ключевые слова:** морской суверенитет, климатические изменения, делимитация морских границ, экологический контроль, северный морской путь.*

В XXI веке глобальные климатические изменения трансформируются из экологической проблемы в ключевой фактор, оказывающий определяющее

влияние на политико-правовое развитие прибрежных государств. Повышение уровня Мирового океана, интенсификация штормовой активности и ускоренная береговая эрозия ведут к прогрессирующему смещению береговой линии [1]. Поскольку именно она служит отправной точкой для определения исходных линий, закреплённых Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (ЮНКЛОС), подобные физико-географические изменения дестабилизируют основы делимитации морских пространств. Особую уязвимость демонстрируют низменные прибрежные территории и малые островные развивающиеся государства (МОРАГ), для которых сокращение сухопутной площади несёт риск существенной потери морских юрисдикционных зон [2]. В этой связи вопросы разграничения морских пространств утрачивают сугубо технический характер и приобретают высокую политическую значимость, затрагивая сферы национальной безопасности, суверенных прав на ресурсы и устойчивого управления океанами.

Действия прибрежных государств, направленные на преодоление этой неопределённости, всё чаще выходят за рамки классических подходов к определению границ. Инновационные правовые стратегии, включая нормативно-управленческий подход, демонстрируют, что подлинный суверенитет может утверждаться не только посредством картографической фиксации линий, но и через всеобъемлющее правоприменение и жёсткий экологический контроль над морской деятельностью, что особенно рельефно проявляется на примере российской политики в Арктике [3]. Однако отправной точкой для понимания подобных адаптационных стратегий остаётся кризис классических правовых основ.

Действующая система международного морского права, кодифицированная в ЮНКЛОС, была сформирована в условиях предположения о стабильности естественных географических ориентиров. Климатически обусловленная динамика побережий создаёт ряд фундаментальных правовых проблем, ставя под сомнение не только положения Конвенции, но и базовые принципы государственного суверенитета, опирающегося на территорию.

Согласно ст. 5 и 7 ЮНКЛОС, нормальной исходной линией является линия наибольшего отлива, а в отдельных случаях могут применяться прямые исходные

линии. Смещение этой линии вследствие эрозии или подтопления ставит вопрос о правовом статусе ранее установленных морских зон: должны ли границы территориального моря, исключительной экономической зоны (ИЭЗ) и континентального шельфа «следовать» за отступающим берегом? В случае отступающей береговой линии государство рискует потерять часть морских пространств; аккумуляция наносов, напротив, теоретически может расширить его юрисдикцию [4]. Отсутствие в Конвенции чётких норм, регулирующих эту динамику, порождает разночтения в национальной практике и создаёт зоны правовой неопределённости, потенциально ведущие к конфликтам; более того, она порождает парадоксальную ситуацию, когда государства, стремясь сохранить стабильность, вынуждены искать инновационные правовые механизмы за рамками классической делимитации, фактически утверждая суверенитет через непрерывное административное регулирование своей морской деятельности.

Изменение конфигурации берега способно модифицировать соотношение морских пространств сопредельных государств, особенно в районах, где делимитация и так является сложной (узкие проливы, архипелаги). Наиболее острые последствия ожидают МОРАГ, чьи низменные атоллы и острова находятся под прямой угрозой затопления. Исчезновение территории, служившей базовой точкой для отсчёта морских зон, ставит под сомнение законность существующих делимитационных соглашений и, в крайнем случае, поднимает беспрецедентный вопрос о сохранении государственности и прав на обширные морские районы [5]. Это создаёт новую категорию «климатически обусловленных» международных споров.

ЮНКЛОС и сопутствующая договорная практика не содержат процедур для систематического пересмотра границ в связи с постепенными природными изменениями. Не урегулирован правовой статус «исчезающих» островов (статус скал по ст. 121(3)), не определены последствия существенного сокращения площади суши для ранее установленных прямых исходных линий. Таким образом, действующее право оказалось не готово к долгосрочным, необратимым трансформациям географической основы, на которой оно зиждется [6].

В свете этого системного кризиса ответом на обозначенные вызовы могут стать как эволюция правовых норм, так и развитие новых форм международного сотрудничества. Однако современная практика демонстрирует, что государства в поисках стабильности выходят за рамки чисто делимитационных решений. Они вырабатывают комплексные стратегии, в которых правоприменение и административный контроль становятся инструментами фактического утверждения суверенитета независимо от выбранного способа фиксации границ. Наглядным примером такой стратегии является политика Российской Федерации в Арктике.

В условиях климатических изменений и геополитической турбулентности Россия реализует модель адаптации, где право выступает инструментом активного формирования и защиты суверенного пространства. Ключевым объектом здесь является Северный морской путь (СМП), законодательно закреплённый как «исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация» [7]. Правовой режим СМП строится не на отрицании климатической динамики, а на проактивном управлении рисками через всеобъемлющее регулирование. Центральное место в этом регулировании занимает экологический контроль, который трансформируется из отраслевой задачи в стратегический механизм осуществления юрисдикции.

Экологическая безопасность и защита хрупкой арктической экосистемы закреплены в качестве одной из фундаментальных целей государственной политики, неразрывно связанной с обеспечением национальных интересов и суверенитета [3]. Данная стратегия материализуется в конкретных властных полномочиях. Обязательный разрешительный порядок плавания в акватории СМП, установленный государством, включает в себя жёсткие экологические требования к судам, направленные на «предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения морской среды» [8]. Каждая проверка соблюдения этих правил, каждое решение о допуске или запрете судна являются актами ежедневного подтверждения государственной юрисдикции. Таким образом, формируется самоподдерживающаяся система – «замкнутый правовой цикл». Государство определяет границы и устанавливает в их пределах обязательные правила, включая

экологические. Затем оно патрулирует акваторию, проверяет их соблюдение и применяет санкции за нарушение. Этот непрерывный цикл административного и правового контроля обеспечивает реальный, а не только декларативный, суверенитет над морским пространством, делая его устойчивым к внешним вызовам, включая физические изменения береговой линии.

При этом российский опыт не отменяет, а дополняет дискуссию об иных подходах. Одним из наиболее обсуждаемых в международном праве остаётся закрепление морских границ в виде фиксированных географических координат, что обеспечивает правовую стабильность, но требует широкого международного признания для становления обычной нормой [9]. Российская практика демонстрирует иной, дополняющий вектор: суверенитет может и должен подкрепляться не только фиксацией координат на карте, но и их постоянной правовой «материализацией» через регулирование хозяйственной и экологической деятельности. Аналогично, адаптация морского права может идти не только путём изменения текста конвенций или разработки специальных процедур на основе научных методов [10], но и через интенсивное использование уже существующих международных норм, таких как право прибрежного государства принимать законы для защиты морской среды, для построения собственной, более детальной и жёсткой системы регулирования. Более того, экологический контроль как форма осуществления суверенитета создаёт новую основу для регионального диалога и проактивного взаимодействия, позволяя государству, позиционирующему себя как ответственного гаранта экологической безопасности, формировать региональную повестку в соответствии со своими национальными интересами.

Таким образом, климатически обусловленные изменения береговой линии подвергают фундаментальные принципы современного международного морского права, основанные на идее стабильности географических реалий, серьёзному испытанию. Возникающие проблемы – от правовой неопределённости до угрозы территориальному суверенитету – носят системный характер и не могут быть решены исключительно в рамках классической парадигмы делимитации.

В качестве научного предложения, выносимого на дискуссию, в данной статье обосновывается тезис о том, что в условиях климатической нестабильности устойчивый суверенитет над морскими пространствами требует перехода от их пассивной фиксации к активному и непрерывному управлению. Правовое закрепление границ, будь то через фиксацию исходных линий или географических координат, остаётся необходимой, но недостаточной основой. Подлинная реализация суверенитета достигается через его ежедневное утверждение в процессе правоприменения.

Практическим механизмом такого утверждения, как демонстрирует опыт Российской Федерации в Арктике, может выступать всеобъемлющий экологический контроль над деятельностью в морских зонах. Реализуемый через разрешительный порядок плавания, жёсткие нормативные требования и систему инспекций [8], он трансформируется из отраслевой задачи в ключевой инструмент юрисдикции. Этот подход, формируя упомянутый выше «замкнутый правовой цикл», позволяет государству устанавливать правила для своей акватории (опираясь на стратегические цели, такие как защита хрупкой экосистемы [3]), обеспечивать их соблюдение и применять санкции, тем самым постоянно подтверждая свою власть над пространством.

Заключение.

Экологический контроль предстаёт не только как мера защиты окружающей среды, но и как современная, легитимная с точки зрения международного права форма демонстрации и укрепления государственного суверенитета. Он обеспечивает «материализацию» границ в практической плоскости, делая их осязаемыми и защищёнными от размывания как физическими процессами, так и правовой неопределённостью. Таким образом, интеграция экологического регулирования в ядро стратегии управления морскими пространствами предлагается в качестве одного из адаптационных ответов на вызовы, которые климатические изменения создают для международного морского правопорядка.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – 1991. – С. 1–168. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 01.04.2025).
2. Кузнецов В.Н. Изменение уровня Мирового океана и правовые последствия для прибрежных государств / В.Н. Кузнецов // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – Т. 11, №4. – С. 45–60.
3. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 05.03.2020 №164). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/62947> (дата обращения: 01.04.2025).
4. Гурбанов Н.Ю. Правовые проблемы разграничения морских пространств: международно-правовой анализ / Н.Ю. Гурбанов. – М.: Международные отношения, 2015. – 288 с.
5. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учебник / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 517 с. – EDN RXGNVJ
6. Махров С.П. Делимитация морских границ: теория и практика / С.П. Махров. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. – 312 с.
7. Федеральный закон от 31.07.1998 №155-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3833.
8. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 №1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №39. – Ст. 6071.
9. Карташев В.И. Международное морское право: учебник для вузов / В.И. Карташев. – М.: Юрайт, 2020. – 404 с.
10. Grote Stoutenburg J. Disappearing Island States in International Law / J. Grote Stoutenburg. – Leiden: Brill Nijhoff, 2015. – 422 p. – DOI: 10.1163/9789004300306.